

ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЕ ВЛИЯНИЯ ЦЕННОСТЕЙ КПРФ НА СОЦИАЛИЗАЦИЮ МОЛОДЕЖИ В РОССИИ

А. А. Трущева

POSSIBILITIES AND LIMITATIONS OF THE COMMUNIST PARTY VALUES INFLUENCING THE SOCIALIZATION OF YOUNG PEOPLE IN RUSSIA

A. A. Trushcheva

Центральным предметом анализа является изучение «идеологической» функции политических партий, реализация которой направлена на политическую социализацию молодежи в России. Статья имеет своей целью рассмотреть возможности и ограничения влияния ценностей КПРФ на социализацию молодежи России. В заключении автор приходит к выводу, что при реализации «идеологической» функции партия отказалась от производства содержательно наполненных ценностных конструкций, заменив их двусмысленными политическими терминами в своих программах, что ограничивает влияние ценностей КПРФ на социализацию молодежи в России.

The central subject of analysis is the study of the “ideological” function of political parties, the implementation of which is directed at political socialization of young people in Russia. The paper aims to examine the possibilities and limitations of the Communist Party values influencing the socialization of young people in Russia. The author concludes that in its implementation of the “ideological” features, the Party refused to produce substantive content of valuable structures and replace them with ambiguous political terms in their programmes, which limits the impact of the Communist Party values on the socialization of young people in Russia.

Ключевые слова: политическая социализация, КПРФ, консервативные ценности, идеология, молодежь.

Keywords: political socialization, Communist Party, conservative values, ideology, young people.

Политические партии появились и стали развиваться как носители определенных идеологий, отстаивая либеральные, социалистические, социал-демократические, консервативные ценности. Одним из главных признаков, позволяющих идентифицировать политическую партию, является идеология и программа партии, которые способны формировать предпочтения электората. Таким образом, политические партии в обществе выступают в роли агентов производства идей и смыслов, являясь одним из институтов политической социализации, они артикулируют социальные интересы и трансформируют их в политические платформы.

По мнению многих исследователей (см. работы: [1; 5; 9; 10; 17]), современные партии при реализации «идеологической» функции отказались от производственных глубинных и содержательно наполненных ценностных конструкций, заменив их двусмысленными политическими терминами в своих программах. Это приводит к тому, что в массовом сознании ценности существуют в виде противоречивой идейной мозаики из разных политических идеологий. Молодежь как наиболее восприимчивая к идеологическому воздействию со стороны разных институтов и агентов социализации социальная группа оказывается в ситуации ценностно-идеологической неопределенности. При этом, по мнению Е. Б. Шестопал, проблема в большей степени заключается не в неспособности молодого поколения самому выстраивать собственные системы представлений и ценностей, а в существовании этих ценностей в виде определенных антиномий, противопоставленных пар ценностей [17, с. 69].

Анализируя причины «неприживаемости» партийных ценностей в массовом сознании молодого поколения россиян, исследователи обращают внимание на два важных обстоятельства: во-первых, современная политическая практика показывает, что в настоящее время существенно ограниченными являются возможности и необходимость продуцировать и продвигать партий-

ные политические ценности; во-вторых, «в условиях монополизации политического пространства произошло сужение идеологического спектра: партии, оказавшись в зависимом положении от статусных акторов, в своем идеологическом творчестве стали ориентироваться, прежде всего, на них».

В свою очередь, российское общество в последнее десятилетие двадцатого века оказалось в ситуации, в которой, по мнению В. А. Пилепенко, консерватизм как тип личного и группового сознания стал не только реакцией на происходящие общественные трансформации, но и выражал самым противоречивым образом и «охранительные» тенденции, и фрустрацию, связанную с утратой прежнего социального статуса и латентным осознанием невозможности достичь прежних позиций в социальной иерархии [13]. Несмотря на массовое признание в 90-х ценностей демократии, свобода и права человека так и не стали прикладными аспектами новой идеологии, в связи с этим, согласно результатам исследований, запрос в массовом сознании молодого поколения на «работающие ценности» консервативной идеологии оставался актуальным [16]. Но проблема размытости и универсальности ценностно-идеологической составляющей партийных программ стала причиной появления так называемого «номенклатурного» или «бюрократического консерватизма».

Возникший в конце 90-х номенклатурный консерватизм реализовывался в различных модификационных вариантах партийной идеологии. Идентификация партий и общественных организаций как приверженцев консервативной идеологии в силу многослойности их имиджа размывает понятие «консерватор», а консерватизм, становясь частью политического имиджа, «утрачивает» ценностный компонент.

В последнее время все чаще в научной публицистике встречаются мнения, что левый консерватизм является интегральным политико-идеологическим каче-

ством КПРФ. Так ли это на самом деле и можем ли мы с этим согласиться?

Для ответа на поставленный вопрос, в первую очередь, необходимо разобраться с генезисом понятия консерватизм.

Определение консерватизма имеет определенные методологические трудности, в связи с чем утвердилось слишком широкое определение рассматриваемого понятия, поэтому необходимо разграничить толкования консерватизма и привести к единому смысловому знаменателю.

Разграничение понятия представляется возможным провести по нескольким основаниям, в зависимости от того, что именно мы подразумеваем, когда говорим о консерватизме: консерватизм как ценностная и идеологическая система (консерватизм – идеология, идеационный/ценностный подход); консерватизм как характеристика поведенческой сферы личности (консерватизм – когнитивный стиль личности, социально-психологический подход).

В первом случае, рассматривая понятие «консерватизма» как ценностную и идеологическую систему, мы имеем ввиду идеологию партий, государств и иных политических/общественных институтов, либо ценности отдельно взятой личности, т. е. речь идет о приверженности субъектов политики ценностям данной идеологии в силу рационального признания ее перспективности и практической необходимости.

Во втором случае, понятие «консерватизма» употребляется в контексте психологии личности, обозначая способ принятия решений, методы и формы поведения при решении проблем, т. е. речь идет о психологическом уровне личности, включающем эмоции, способность мышления и уровень ригидности, характер в целом.

Безусловно, вопрос о том, можно ли утверждать, что идеологические предпочтения связаны с определенной психологической структурой личности, до сих пор не получил однозначного ответа, поскольку при рассмотрении консерватизма в данном контексте консервативным может быть и либерал, и коммунист и социал-демократ [4, с. 32]. Тем не менее, каким бы ни был результат, он не противоречит логике разграничения подходов к понятию «консерватизма» как системы политических ценностей и особенностей психологии личности.

Сразу же стоит оговориться, что восприятие КПРФ как консервативной партии в контексте привязанности к «советскому прошлому» является проявлением консерватизма как характеристики поведенческой сферы личности. Восприятие же коммунистических ценностей в контексте понимания традиций нашего государства (как того прошлого, что было), в силу чего они становятся «консервативными», приводит к тому, что мы рассматриваем консерватизм в рамках структурно-функционального подхода. Подобное определение консерватизма, на наш взгляд, имеет ситуативный характер, и в случае признания его справедливым мы вынуждены будем признать советское прошлое нашей страны с социалистическими ценностями тоже консервативным.

Возвращаясь к поставленному нами в начале статьи вопросу, является ли левый консерватизм интегральным политико-идеологическим качеством КПРФ, приходим к тому, что дальнейшие размышления по

этому поводу зависят от того, в каком контексте мы употребляем понятие «консерватизма». Представляется очевидным, что в рамках рассмотрения вопроса о возможности влияния ценностей КПРФ на социализацию молодежи речь должна идти о консерватизме как идеологии.

О наличии консервативных взглядов и поддержке консервативных ценностей, точнее синтеза консервативных и социалистических ценностей, заявляет лидер коммунистической партии Г. А. Зюганов. Лидер партии к ценностям партийной идеологии, наряду с работами К. Маркса, В. И. Ленина, относит консервативные идеи К. Н. Леонтьева и Н. Я. Данилевского, в связи с чем появляются тезисы о левом консерватизме КПРФ (см. работы следующих авторов: [7; 11; 13; 14]) и мнения о том, что взгляды «евразийцев», которые были первыми поднявшими проблему идейного синтеза консерватизма и социализма, оказали определенное влияние на российскую мысль идеологов коммунистической партии.

Позиционирование партии, в качестве агента политической социализации, транслирующего ценности «социал-консерватизма», по мнению отдельных политологов, является обоснованным. Данный вывод был основан на выявленном наборе ценностей партии, в которой включены такие ценности, как «патриотизм, возрождение традиционной русской духовности, умеренный русский национализм, необходимость сильного государства (этатизм), экономический дирижизм, принцип социальной справедливости, осуществляемой с помощью государственных механизмов (государственный патернализм)» [3, с. 53 – 60].

Так насколько же «левый консерватизм» КПРФ является интегральным качеством идейной платформы, а сама партия агентом политической социализации, транслирующим ценности «социал-консерватизма»?

Действительно, КПРФ, как и другие коммунистические партии в начале 1990-х гг., были единственными, кто обозначили консервативную ценность патриотизма в качестве ведущей ценности программы партии и, действительно, программа КПРФ – это программа партии государственников. В то же время, собственное причисление партии КПРФ к сторонникам ценностей консерватизма вызывает вопрос, при котором становится неизбежным обращение к политическим ценностям консерватизма (патриотизму, стабильности, сильному государству, безопасности, традициям, частной собственности как гаранту личной свободы, вере как религиозному чувству) и их соотношения с ценностным набором партийной программы КПРФ. Сопоставляя ценностный ряд идей консерватизма и ценностей в программе партии, приходим к выводу, что КПРФ выполняет функцию ценностной генерации коммунистической идеологии, поэтому она не может быть признана «консервативной», т. к. в основании коммунистической идеологии лежит философия марксизма со своими ценностными императивами. КПРФ уже по своему названию декларирует приверженность ценностям коммунистической идеологии, при этом на практике происходит постепенное внедрение социал-демократических ценностей в программу партии. Суть идеологической платформы КПРФ, по мнению исследователей партийных идеологий [5, с. 75], можно свести к стремлению скомпилировать экономические ценности

социал-демократии, консервативные ценности государственного патернализма и патриотизма, коммунистические идеи интернационализма с традициями державности, при этом «неозвученным» идеалом партии фактически является – «шведский социализм», ценностная концепция которого – это «демократический социализм» и сопутствующие ему ценности коллективизма, солидарности и социальной справедливости.

С другой стороны, обосновывая запрос общества на идейный синтез консервативных и социалистических ценностей, партия не дает четкого понимания, какова совокупность социально-консервативных ценностей? Никто не отвергает идею «симбиоза» данных ценностей, как это произошло с либеральными и консервативными идеями, в результате чего появился «ценностный сплав» неоконсерватизма. Но в этом случае актуализировалась необходимость сочетания отдельных ценностей консерватизма и либерализма, при доминировании первых над вторыми или наоборот, не затрагивая вопроса об идейной интеграции одних понятий другими. В случае с КПРФ, судя по высказываниям партийцев, речь должна идти о новом ракурсе понимания консервативных ценностей, в которых есть не учтенный социалистический контекст. Тем не менее ни партия, ни партийный лидер не дают четкого определения смысловой значимости ценностей, без чего не возможно определение ни индикаторов, ни референта ценности, не говоря уже о функциональном назначении и в целом единых границ понимания и принятия социально-консервативных ценностей.

Другой момент, на который хотелось бы обратить внимание, – это причисление Г. А. Зюгановым консервативных идей К. Н. Леонтьева и Н. Я. Данилевского к ценностному наследию партии, как представителей «евразийцев», которые первыми подняли проблему идейного синтеза консерватизма и социализма [14, с. 76 – 79]. По данному поводу требуется несколько уточнений, в связи с чем становится неизбежным обращение к историографии политической мысли вышеуказанных авторов.

Н. Я. Данилевский и К. П. Леонтьев являются представителями позднего славянофильства. Консервативные идеи Н. Я. Данилевского были связаны с ценностями традиции и самобытной культуры России [7, с. 430]. Философ разработал теорию культурно-исторических типов, согласно которой Россия и Европа – это два разных культурно-исторических типа государств, синтез которых невозможен, а европейский уклад жизни представляет опасность для ценности самобытной культуры России (фактически, консерватизм Н. Я. Данилевского переходит к идеям пан-славенизма, что некоторые исследователи рассматривают как корреляцию с ценностью «умеренного национализма» в программе КПРФ. На наш взгляд, подобные соотношения сомнительны хотя бы в силу этимологии «пан-славенизма» и «национализма» (даже и умеренного – прим. автора). К. П. Леонтьев, являясь последователем Н. Я. Данилевского, также был убежден, что основная ценность государства – это самобытность России, которая, по его мнению, имела исконно византийские начала, укреплению же ценности самобытности могло способствовать принятие некоторых элементов восточной духовности [9, с. 242 – 253].

Ценностное наполнение идеологии так называемого левого консерватизма евразийцев, действительно, в определенной степени пыталось синтезировать ценности и традиции Царской России и революции, но к ним относились: «новоградцы», которые фактически заложили основу либеральному консерватизму (Н. А. Бердяев, Г. П. Степун, Г. П. Федотов, Б. П. Вышеславский и др.), стремясь синтезировать ценности православной религии с идеями либерализма и социального прогресса, развивая идею, согласно которой христианство, утверждающее абсолютную ценность человеческой личности, является предпосылкой ценности политической свободы и демократии; «младороссы» (А. Л. Казин-Бек, С. Ю. Буш, В. Д. Мержеевский и др.) идеологически обосновывали синтез ценностей консерватизма и социальной революции, выступали за возрождение ценности традиционной русской государственности и идеократической самодержавной монархии, главная идея «младороссов» – это мировая «революция Духа» над господствующими материальными ценностями (обоснование примата духовного над материальным); «сменовеховцы» и национал-большевики (Н. В. Устрялов, А. В. Бобрищев-Пушкин, Ю. В. Ключико, С. С. Чахотин и др.) развивали идею о возможности принятия большевистской революции и примирения с её результатами ради сохранения ценностей единства (ценность соборности) и мощи российского государства (ценность сильного государства); евразийцы (Н. С. Трубецкой, П. В. Фроловский, П. Н. Савицкий, Г. В. Вернадский, Л. Г. Карсавин и др.) развивали мессианскую идею «Москва – Третий Рим» при акцентуации ценности русской культуры и православия как религиозно-нравственной основы национальной культуры, обладающей элементами традиций Востока.

Таким образом, краткий дискурс политической консервативной мысли ставит под сомнение заявление как лидера партии и рядовых партийцев, так и исследователей о том, что наследие «евразийцев» или представителей позднего славянофильства стали философскими основаниями для интеграции ценностей консерватизма в программу партии КПРФ.

Подтверждением такому выводу могут служить эмпирические данные, полученные в рамках исследования «Политические ценности и их восприятие в современной России» (проект «Политические ценности и их восприятие в современной России» (2013 – 2014) проводится по руководством доцента, кандидата педагогических наук А. В. Селезневой на базе кафедры социологии и психологии факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова – прим. автора). Одной из задач данного проекта было вывить ценностный компонент в программах политических партий и проанализировать восприятие ценностных платформ партий в массовой сознании, в частности среди молодежи.

Согласно полученным данным, КПРФ ассоциируется в 68,8 % с коммунистической идеологией, в 10,3 % – с консервативной, но в не зависимости от того, с какой идеологией респонденты связали КПРФ, в обоих случаях, отвечая на вопрос, каких идей придерживается партия, респонденты проранжировали ценности «коллективизма» (11,5 %), «патриотизма» (9,5 %), «равенства» (8,8 %), «справедливости» (6,6 %).

Анализ ценностного компонента программы КПРФ при помощи контент-анализа также не выявил основа-

ний для почвеннической риторики партии. Проверка допущения проводилась по частоте употребления ценностных индикаторов «традиции», «духовность/вера», «патриотизм», «родина/отечество», «государство» (в контексте сильного государства). По частоте употребления данных терминов следует сделать вывод, что партия не ориентирована на ценности, связанные с консервативной аксиологической платформой. В частности, частота употребления терминов в программе партии следующая: «традиции» (3 из 16), «духовность/вера» (6 из 10/4 из 10), «патриотизм» (10 из 15), «родина/отечество» (18 из 20), «государство» (32 из 110).

При подобном несовпадении содержания и «наименования» транслируемых ценностей на практике происходит развитие ложной мотивации молодого поколения за счет сформированных лингвокогнитивных конструкций, искажающих лексику естественного языка. Фактически, политическая социализация, которая представляет собой процесс усвоения индивидом по-

литической культуры общества и его политических ценностей, не только искажена, но и происходит. Проведенный нами анализ позволяет сделать вывод, что ценностная платформа КППРФ не имеет консервативного интегрального политико-идеологического качества, что, в свою очередь, свидетельствует об ограничении влияния «социально-консервативных» ценностей КППРФ на социализацию молодежи в России. В политической практике партии КППРФ происходит несовпадение вербально оформленных идей и символических средств самопрезентации, что нарушает реализацию «идеологической» функции и ставит под сомнение качество транслируемых ценностей данного института социализации. Данная ситуация приводит к появлению идеологического «мейнстрима», в результате которого молодежь слабо сегментирована по идейно-мировоззренческим основаниям, что приводит к появлению «идеологической всеядности» со стороны объекта социализации и монополизма частных политических сил.

Литература

1. Аль-Дайни М. А. Манипулятивные идеологии: методологические и политические аспекты проблемы // Вестник МГУ. (Серия 12: Политические науки). 2009. № 2.
2. Белов Е. А. Теория и практика современного российского социал-консерватизма // Полис. 2006. № 4.
3. Блинов В. В. Политико-психологический подход к изучению консерватизма: обоснование и структура анализа // Вестник Московского университета. 2007. № 1.
4. Головченко В. И. Идеологические основы КППРФ и «Справедливой России»: особенности и перспективы // Власть. 2009. № 3. С. 75.
5. Григорьев М. С. Fake – структуры: призраки российской политики. М.: Изд. Европа, 2007.
6. Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-романскому. М.: Книга, 1991.
7. Капустин Б. Левый консерватизм КППРФ и его роль в современной политике // Независимая газета от 05.03.1996.
8. Леонтьев К. Н. Византизм и славянство // Россия глазами русского: Чаадаев. Леонтьев. Соловьев. СПб., 1991.
9. Малинова О. Ю. Партийные идеологии в России: атрибут или антураж? // Полис. 2001. № 5.
10. Матц У. Идеология как детерминанта политики в эпоху модерна // Полис. 1992. № 1 – 2.
11. Пашенко В. Я. Марксизм, большевизм, революция в зеркале евразийства // Вестник МГУ. (Серия 12: Политические науки). 1999. № 2.
12. Пилипенко В. А. Консервативные ценности в общественном сознании россиян // Официальный сайт Центра социально-консервативной политики (ЦСКП). 03.02.2010. Режим доступа: <http://www.cscpr.ru/doklad/10147/> (дата обращения: 27.04.2015).
13. Работяжев Н. В. Консервативная геополитическая мысль в России: преемственность и обновление // Вестник МГУ. (Серия 12: Политические науки). 2009. № 5.
14. Работяжев Н. В. Феномен «право-левой» коалиции в России: фронт национального спасения // Полис. 2004. № 4.
15. Селезнева А. В. Молодежь в современной России: политические ценности и предпочтения. М.: АРГА-МАК-МЕДИА, 2014.
16. Шестопал Е. Б. Структура и динамика политических ценностей в российском массовом сознании // Ценности в политике. Опыт Польши и России. Краков, 2013.
17. Юрьев А. И., Анисимова Т. В., Бурикова И. С., Коновалова М. А., Матушкин В. В., Свешникова Н. О. Объективная классификация политических партий и политиков в России по материалам их программ и публичных выступлений // Власть. 2013. № 9.

Информация об авторе

Трущевва Анастасия Александровна – аспирант кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, sigma91tna@mail.ru.

Anastasia A. Trushcheva – post-graduate student at the Department of Political Sociology and Psychology, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University.

(**Научный руководитель: Шестопал Елена Борисовна** – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, shestop0505@rambler.ru).

Elena B. Shestopal – Doctor of Philosophy, Full Professor, Head of the Department of Political Sociology and Psychology, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University).

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.